

Гермиона почувствовала, как ее тело инстинктивно напряглось, когда Волан-де-Морт поднял свою палочку, но без звука, кроме дуновения воздуха, она исчезла. Одним ударом сердца она была в Военной Комнате рядом с почти запаниковавшим Гарри, аппарировав к подписи его медальона.

"Гермиона!" Гарри выдохнул, как будто весь воздух покинул его легкие вместе со словом. Не обращая внимания на взгляды остальных членов Ордена, он прижал ее к себе, видимо решив, что раз он не может дышать, то и она не должна.

« Гарри », — прохрипела она в ответ, чувствуя, как ее глаза закрываются в знак благодарности, но прижимаясь к нему, пока он неохотно не отпустил ее. Ее взгляд тревожно переместился на Уизли, затем снова на Гарри, а затем на беспроводное устройство, установленное в углу. Фред, казалось, уловил то, что она пыталась передать без слов, и очень тонко отрицательно покачал головой. Еще один груз упал с ее плеч. Благодарим Вас за отправку исправленного варианта.. По какой-то причине Гарри не слушал трансляцию митинга. У Ремуса, с другой стороны, был бледный, осунувшийся вид, полный ужаса и смутно тошнотворного недоверия, как будто — все свидетельствовало об обратном — он не мог поверить, что кто-либо, претендующий на хромосомы человечества, мог совершить такие действия. Гермиона предположила, что он, должно быть, слышал, что происходит. Ее глаза снова метнулись к радио; она задавалась вопросом, в какой момент это было сочтено слишком сложным и было отключено. Она попыталась отвлечься от бесконечных картинок умирающих один за другим магглов, даже не понимая, почему эти люди их ненавидят, и трупы родителей Гарри... танцующие...

— Гермиона, ты в порядке? — спросил Гарри осторожно и несколько испуганно. Она подпрыгнула и нерешительно улыбнулась ему, даже не осознавая, пока он не заговорил, что она снова закрыла глаза. Она осторожно опустила руки по бокам ладонями параллельно полу, глубоко вздохнула и явно успокоилась. — Фред, — повернулась она к нему и Рону своим самым реальным голосом. «Я дала Флер свой портключ. Она использовала его, когда я уходила, так что я надеюсь, что она сбежала. Я снова отправила их на поле для квиддича за Норой — надеюсь, оно все еще достаточно изолировано, особенно после...» — она встряхнула ее голову резко, и не закончить мысль. «Вы должны вернуть их сюда, быстро. Я уверен, что им обоим нужна медицинская помощь». Фред торжественно кивнул и вставил портключ.

«Возможно, вам понадобится помощь. Я пойду с вами». Фред спел свою любимую песню, а Рон схватился за рукав своего черного плаща. Они оба исчезли. Мистер Уизли поднялся наверх, невнятно бормоча что-то о намерении помочь Пенелопе и МакГонагалл подготовиться к прибытию новых в лазарет. Гермиона смотрела, как он уходит, с сочувствием и состраданием, светящимися в ее темных глазах.

Когда она снова повернулась к Гарри, он ошеломленно смотрел на нее.

— Ты их вытащил? Гермиона какое-то время молча смотрела на него, и ее глаза наполнились мерцающими слезами.

— Я вытащил тебя, не так ли? — сказала она, и ее поддразнивания затихли, когда эмоции дрожали в ее голосе. «Кроме того, в любом случае это в основном делала Тонкс, и...» Она

посмотрела на Ремуса, который все еще стоял, опираясь на трость, которой он пользовался, и каждый мускул и каждая линия его тела были полностью напряжены.

"Где она?" — хрипло спросил он, сверля взглядом Гермиону. Она посмотрела на свое пустое запястье по бессмертной привычке, прежде чем вспомнить, что ее часы не работают, и они все равно были у Флер.

«Профессор Люпин, она была прямо позади меня, клянусь. У нее был медальон. Я не могу понять, что случилось, что...» Она резко остановилась. Было очень мало причин, по которым Тонкс еще не прибыла, и еще меньше хороших. Оборотень судорожно выдохнул и повернулся к ним спиной, ковыляя через Комнату Войны к окну. Гарри и Гермиона обменялись мучительными взглядами с Луной и Невиллом, сидевшими на самом краешке стульев, словно им в любой момент могло понадобиться вскочить.

Раздался тихий звук, едва различимый щелчок, похожий на щелчок пальцев, и Тонкс, выглядевшая явно растрепанной и изношенной, с рваным подолом ее мантии, волочащимся по земле, появилась рядом с Ремусом. Одним взглядом она увидела все напряженные лица и неверно истолковала их причину.

— Перси и Флер здесь нет? — спросила она, ее глаза были огромными и печальными.

— Фред и Рон пошли за ними, — быстро сказала ей Гермиона. «Мы думаем, что все сделали это».

"Борода Мерлина, Нимфадора!" Ремус взорвался гневом, хотя облегчение в его глазах выдавало его. — Что ты делал? Собирал цветы? Тонкс, казалось, осознала истинное происхождение своих эмоций; она говорила вяжущим тоном, но смотрела на него ясными глазами.

— Ремус Люпин! Только не говори мне, что ты предпочел бы, чтобы я оставил их там! Они были твоими друзьями! Глаза Гермионы расширились от тревоги, и Гарри бросил на нее растерянный взгляд. — Я просто... Призвала их, а потом положила в свой рюкзак. Мне пришлось их уменьшить. Это ужасно несолидно, но... но... — она посмотрела в глаза мужчине, которого любила, и ее голос подвел ее. «Они заслуживали лучшего, чем то, что с ними случилось».

Лицо Ремуса слегка содрогнулось, и он слегка покачал головой, пытаясь подавить свои эмоции настолько, чтобы заговорить. Гермиона прижала руку ко рту, пытаясь подавить рыдания, которые грозили вырваться из нее.

— Это был глупый риск, Нимфадора, — наконец сказал он. «Тебя могли убить, а Волдеморт... больше не может причинить им вред».

— Я сказала, что они заслуживают лучшего, и я имела это в виду, но я сделала это не для них, — задохнулась Тонкс, глядя на него, а затем метнула взгляд на Гарри.

— Я знаю, и я люблю тебя еще больше за это, — прошептал Ремус, заключая ее в свои объятия в том же сокрушительном объятии, в котором Гарри обрушился на Гермиону.

— Гермиона, — почти шепотом сказал Гарри, — о ком, черт возьми, они говорят? Она с надеждой посмотрела на Луну и Невилла, которые выглядели такими же сбитыми с толку, как и Гарри. Он проследил за ее взглядом.

«Мы втроем были снаружи... просто разговаривали». Гарри сообщил ей. «Мы не ... я не хотел слышать... слышать, что вы... слышали, что может случиться по радио. Особенно, когда... когда я даже не могу...» он остановился и покачал головой в мучительном разочаровании. — Так скажи мне сейчас. Его зеленый взгляд пронзал ее, заставляя ее говорить что-то кроме правды. «Что произошло на том митинге, о чем вы не хотите, чтобы я знал?» Его глаза были гневно-испуганными и быстро перебежали с нее на Ремуса и Тонкс.

— Гарри... — начала Гермиона, но быстро остановилась, когда ее голос надломился и задрожал, отказываясь сотрудничать. Она отдернула подбородок от него и опустила вниз, закрывая глаза в полном разочаровании. Он нуждается в вас. Ты должна взять себя в руки, ругала она себя.

— Гермиона, я потерял свою магию, — ровно сказал он, его голос едва вибрировал от едва сдерживаемых эмоций. «Это делает меня... инвалидом, я думаю... но это не делает меня ребенком. Скажи мне, что, черт возьми, случилось — кто есть у Тонкс?»

Гермиона взяла его под руку и посмотрела на него почти так же, как смотрела, как мистер Уизли уходит.

— Пойдем на улицу, — тихо сказала она.

Они вышли через заднюю дверь и сели во внутренний дворик. Небо все еще угрожало дождем, хотя на самом деле он еще не выполнил свое обещание. Ветер яростно хлестал их, и Гермиона могла разглядеть пушистые вершины многих волн. Она бросила быстрое заклинание через плечо, чтобы убрать волосы с глаз.

Он резко повернулся к ней, глубоко засунув руки в карманы, а ветер взметнул его непослушные волосы в черное болото.

— Кого он убил? Он сказал это без вопросительного тона, но с покорным командованием, зная, что это правда, еще до того, как она открыла рот.

— Некоторые магглы, — с некоторой неохотой сказала Гермиона. — Они... они... — она с трудом сглотнула. «У них был... конкурс». Она поперхнулась на последнем слове. Гарри побледнел и выглядел так, словно сдерживал себя то ли от ругательств, то ли от рвоты. Судорога, казалось, пробежала по его телу, а затем он снова поднял глаза на нее, явно показывая ей, чтобы она продолжала. — Он убил некоторых... некоторых волшебников,

которых он заклеил как преступников. Перси и Флер были с ними. И... — она снова запнулась.

— Кто у Тонкс? Она принесла их сюда для захоронения, не так ли? Кто они?

— Они... они уже были мертвы, Гарри. После того, как он разрушил Годрикову Лощину, он... — Она замолчала, увидев, как его кадык судорожно качнулся в его горле. Он знает. На самом деле, Гермиона задавалась вопросом, не было ли у него подозрений с того момента, как Тонкс открыла рот. Его лицо внезапно стало таким изможденным, бледным и старым, что Гермиона инстинктивно отступила в сторону, боясь, что он вот-вот упадет.

— Что он сделал с моими родителями? — спросил он мертвым и свинцовым голосом. Гермиона покачала головой, не в силах говорить, потому что слезы, которые угрожали, наконец вышли за их границы.

— Тебе не обязательно знать, Гарри, — наконец выдавила она. Его глаза вспыхнули той же душераздирающей комбинацией тлеющего гнева, бесполезности и страха, и он обеими руками схватил ее за плечи.

— Скажи мне, что он с ними сделал! Он откусывал каждый слог, говоря с преуменьшенной яростью, которая почти заставила Гермиону дрожать, не от страха перед Гарри, а от немой агонии из-за того, через что он продолжал проходить.

— Нет, — произнесла она это короткое слово четко и твердо, удивив их обоих. Он продолжал смотреть на нее, держа ее за руки, очевидно, пытаясь запугать ее, чтобы она рассказала ему. Она невозмутимо встретила его взгляд. «Это изменит твоё отношение к нему? Это заставит тебя ненавидеть его меньше — больше? — чем ты уже ненавидишь? Он чудовище, Гарри. Мы уже знали это — даже до сегодняшнего дня. Он совершил так много злодеяний, и убил столько людей, что даже за человека уже не числится, душу свою изрезал ради вечной жизни, а все те люди, что идут за ним, просто пляшут за вольтером навстречу своей смерти — либо знают что он есть и плевать, или они действительно невежды, или они трусливы и слабы. Они заслуживают наше презрение и наше стремление к справедливости. Но рассказывать вам о том, что произошло, только ранит вас — вас. Ни он, ни Пожиратели Смерти, ни твои родители. Только ты. И я не буду этого делать, Гарри. Я не буду».

Затем он отпустил ее и отвернулся от нее лицом к морю, ветер трепал его волосы, как темное знамя. Его руки вернулись в глубины карманов, а позвоночник и плечи напряглись. Только когда они слегка завибрировали, Гермиона поняла, что он плачет. Любой шум, который он производил, был поглощен натиском волн и ветра.

Сначала она колебалась, не желая вторгаться в то, что могло быть личным моментом боли, но затем она подошла к нему и прислонилась к нему, обхватив одной рукой его талию.

— Я столько всего сегодня видела, — сказала она почти шепотом, как будто говорила только с самой собой. «Так много всего, от чего меня чуть не стошнило, я почувствовал злость, ужас и

отвращение, заставило задуматься, как люди — люди — могут делать такое с другими людьми. И мне пришлось стоять в толпе, чертовски хорошо окруженный людьми, которые с радостью разорвали бы нас на куски, если бы знали, кто мы такие. Мы должны были просто - смотреть и ничего не делать . Гарри, это было ужасно - более чем ужасно, и я никогда не смогу раз увидеть что. Но с другой стороны, я действительно не хочу... потому что мы никогда не должны забывать, что он сделал. Если мы забудем, то он станет только сильнее и смертоноснее. Если мы забудем, то все, кого он убил до сих пор, погибли напрасно, ни за что. Так что я буду жить с этими воспоминаниями, если придется, но у тебя уже достаточно собственных кошмаров. Разве я ошибаюсь, что хочу избавить тебя от этого?» Она хотела, чтобы ее последний вопрос был риторическим, но Гарри, задышавшись, дрожащим голосом произнес:

"Нет." Его руки безвольно свисали по бокам, но после того, как он заговорил, они обвились вокруг ее талии. Она немного расслабилась.

«Тонкс рисковала своей жизнью, чтобы вернуть их. Мы можем похоронить их здесь, Гарри. Никто никогда больше не потревожит их покой». Грудь Гарри судорожно вздымалась, и он отстранялся от нее, вырываясь из объятий. — Он не мог причинить им вреда, Гарри. Не совсем. Больше нет. Он стоял так неподвижно, выглядел таким хрупким, словно одно ругательство могло разбить его на миллион крошечных осколков.

— Нет, — согласился он. — Не они. Только я. Ты. Все мы. Вот кого они хотят сейчас. Я должен... пойти поблагодарить ее — Тонкс. знания или согласия. Без дальнейшего подтверждения или приглашения присоединиться к нему, он зашагал обратно в дом, спрятав руки в карманы, согнув голову и плечи в позе поражения.

Гермиона стояла во внутреннем дворике, ветер трепал несколько прядей ее волос, избежавших связывающего заклинания. На ее лице было запечатлено выражение глухой печали, руки стиснуты перед собой так крепко, что побелели костяшки пальцев. Сколько еще он может выдержать? Что окончательно сломит Гарри?

И вслед за этими мыслями пришли : мы оба совсем сошли с ума, раз думаем, что можем найти хоть частицу радости в этом безумии?

Она побрела обратно в дом, чувствуя беспокойство и неловкость. Гарри нигде не было видно, а Ремус и Тонкс тесно прижались друг к другу на подоконнике Военной Комнаты. Так много за то, что поблагодарил ее , грустно подумала Гермиона. Она закрыла глаза, прижала пальцы к вискам и отчаянно попыталась стереть образ маленького старичка с тростью, вставшего между смертью и девочками-подростками. Слезы выступили на изнанке ее век. Смерть все равно пришла за ними.

Она трепетно вздохнула и еще крепче зажмурила глаза, тщетно пытаясь сдержать слезы. У нее даже не было времени оплакивать тех, кого они любили и потеряли, не говоря уже о некоторых магглах, с которыми она даже отдаленно не была знакома. Она покачала головой в серии повторяющихся быстрых, коротких жестов, словно пытаясь стряхнуть с себя почти осязаемую пелену уныния.

Раздался громкий треск, и Гермиона подпрыгнула, споткнулась о небольшой коврик в дверном проеме, ведущем на кухню, и тихо выругалась.

"Почему так долго?" — резко сказала Гермиона, чтобы скрыть свой страх. Рон нес Флер, но почти сразу позволил своей палочке взять верх, как только они материализовались. Фред носил Перси в чем-то вроде переноски пожарного, а левое плечо рубашки младшего Уизли было залито кровью.

— Флер утащила... Перси из дома... в деревья. Потом она... потеряла сознание. У нас было время... просто найти их, — сообщил Фред, явно запыхавшись, левитируя своего брата вверх по лестнице за Роном. «Кроме того, мы отскочили один раз, на случай, если они снова попытаются отследить портключ». Он добавил, имея в виду технику, когда человек делает быструю промежуточную остановку в другом месте во время аппарации.

Перси умирал. Хотя Гермиона не могла заявить, что у нее слишком много опыта со смертью, большая часть которого была приобретена недавно и, как правило, на расстоянии — члены Ордена и авроры, падающие на поле битвы, проникли в ее память — один взгляд на Перси сказал ей неопровержимую правду. . Лицо у него было белое и липкое, как бумага, глаза как будто ввалились в голову, а дыхание было неровным и шумным, как будто требовалось все его усилие только для того, чтобы нагнетать воздух в легкие и выдыхать из них. Она последовала за мальчиками вверх по лестнице в лазарет, с грустью думая о редющих, выцветших рыжих волосах мистера Уизли, морщинах беспокойства и потери, казалось, навсегда запечатлевшихся на его быстро стареющем лице. Ее мысли повторили те, что были у нее в отношении Гарри несколько мгновений назад. Сколько? На сколько больше?

Когда Пенелопа увидела Перси, она громко вздохнула, жадно наблюдая за ним широко распахнутыми озабоченными глазами. Каким бы ни был их статус отношений в последнее время, было очевидно, что Пенелопа все еще очень заботится о нем, подумала Гермиона.

"Что случилось?" — сказала Пенелопа с попыткой говорить профессиональным тоном, но ей это почти удалось.

— На меня наложили проклятие, — сказал Фред. «Нырнул туда, чтобы прикрыть Флер. Кариозо». Он выглядел мрачным, и Пенелопа побледнела. Гермионе было интересно, какова степень проклятия. Она знала латынь не хуже других, а заклинание было производным от латинского слова «распад».

— И... и Флер? — запнулась молодая ведьма-медик, невольно переведя взгляд с Перси на бледную француженку.

— У нее сломана нога, — сообщил Рон, удивив Гермиону, несмотря на то, что она сидела рядом с ним во время их курсов по полевой медицине и заклинаниям оказания первой помощи. «Мы бы попытались вылечить его, но он выглядит так, как будто он был сломан какое-то время. Хотел, чтобы вы взглянули на него. Я не знаю, как она вообще смогла стоять». Он сделал паузу, и его взгляд опустился на голенища его потрепанных кроссовок. — Их обоих пытали, —

пробормотал он почти задним числом.

Прекрасные глаза Пенелопы обратились к МакГонагалл, которая что-то переставляла в буфете для зелий, и они обменялись понимающими взглядами.

— Профессор, не могли бы вы...? — спросила она, указывая на Флер, чьи раны были явно менее серьезными, чем у Перси.

— Конечно, мисс Клируотер. Тон МакГонагалл был еще более подавленным, чем обычно в последнее время.

Пенелопа вздернула подбородок и, казалось, готовилась к тому, что должно было произойти. Она подошла к кровати Перси и расстегнула рваные остатки его рубашки. Мистер Уизли, беспокойно вертевшийся у изножья кровати, пытаясь не мешаться, так побледнел, что Гермиона подумала, что он вот-вот потеряет сознание, и отчаянно пыталась успокоить желудок.

Живот Перси был разных оттенков пурпурного, серого и черного и начал вздуваться. Гной сочился из пары мест, где кожа расколосась. Запах не был приятным. «Кариозо», — с ужасом подумала Гермиона. Она начала понимать и бросила беспомощный взгляд на Тонкс, которая стояла ближе всех и так же неловко топталась в дверях, как и сама Гермиона. Почему мы не слышали об этом с Муди?

— Это не Непростительное, потому что у него есть и другое практическое — даже полезное — применение, — прошептала ей Тонкс, очевидно прочитав мысли Гермионы.

— Он... он... это...? Гермиона не смогла закончить свой вопрос, хоть и была уверена в ответе, но Тонкс кивнула.

«Его плоть гниет, пока он еще жив. Пенелопа ничего не может сделать, кроме как облегчить его боль». Пенелопа все еще работала, протирая гнилую кожу и поливая ее какой-то жидкостью, от которой Перси дергался и лихорадочно бормотал себе под нос. Безмолвные слезы лились по ее лицу. Гермиона смотрела, замороженная, беспомощная, пораженная, как Рон — в поразительно красивом жесте эмоциональной самоотверженности и зрелости — первым подошел к Пенелопе и нежным голосом спросил, не может ли он ей помочь. Она направила его к шкафу с припасами, и он пересек комнату и начал эффективно доставать материалы.

Она почувствовала на себе взгляд, как будто кто-то окликнул ее по имени, и ее голова повернулась к двери лазарета, словно по принуждению. Гарри стоял там, сразу за Тонкс, выглядя как-то еще более потерянным и одиноким в относительном полумраке коридора. Он смотрел на нее, а не на мрачную картину за ее пределами, с неприкрытой болью на лице. Это то, что вы хотите? Зная, что когда-нибудь он может быть мной, а она может быть тобой? Она просто оглянулась на Пенелопу, наблюдая за ней со смесью сочувствия и восхищения, пока юная ведьма-медик продолжала выполнять свою задачу, с мокрым лицом и красными глазами,

но ее спина была прямой, а плечи расправленными. Глядя на нее в этот момент, Гермиона знала — знала, как если бы она сама это чувствовала, — что Пенелопа не сожалела о том, что любила и любила Перси. Она наклонила голову назад к Гарри, выглядя почти царственно, ее взгляд был ясным и общительным. Она надеялась, что ответила на его незаданный вопрос.

— Мисс Грейнджер! — позвала профессор МакГонагалл из-за кровати Флер. «Мне нужно, чтобы ты наложил на кость Отталкивающие чары, пока я держу ее на месте. Вероятно, это будет самый эффективный способ сделать это, причинив при этом наименьшую боль. Теперь приятно и легко». Она осторожно левитировала ногу Флер, и Гермиона чуть не отпрянула от ужасной выпуклости, где кость чуть не проткнула кожу. Она глубоко вздохнула и произнесла заклинание, слабое гудение и движение кости были единственным признаком того, что оно работает. Когда искажение было уменьшено, МакГонагалл со слышимым щелчком установила его на место, соединив его взмахом палочки и струйкой укрепляющей кости сыворотки на губах пациента. Флер приглушенно вскрикнула, и ее веки затрепетали, но не открылись. "А теперь, мисс Грейнджер, если вы"

У кровати Перси Пенелопа накладывала большой стерильный квадратный бинт на раны Перси, скорее из-за желания что-то сделать или прикрыть ужасное гниющее тело, чем из-за какой-либо медицинской пользы, подумала Гермиона. Рон по-прежнему приносил вещи так быстро, как только могла просить Пенелопа, и Гермиона вдруг почувствовала, что очень им гордится. Ее глаза переместились на Гарри, и он, казалось, читал ее мысли, потому что он перевел взгляд на Рона, а затем снова на нее, слегка приподняв губы, даже не настолько, чтобы это можно было назвать улыбкой.

Флер пошевелилась на своей кровати, а затем снова застонала, когда МакГонагалл ложкой влила ей в рот немного обезболивающего. Ее глаза в панике распахнулись, и она дико оглядела комнату, наконец остановившись на мистере Уизли. Она улыбнулась, с закрытыми глазами, с искренним облегчением.

"Папа Уизли!" — воскликнула она. — О, слава Мерлину. Перси в порядке?

— Пенелопа работает над ним, — отрезал мистер Уизли, собирая улыбку для своей невестки.

— Он спас мне жизнь, — неопределенно сказала Флер. "Где мой муж?" Она не могла не заметить внезапное напряжение в плечах мистера Уизли, и ее глаза начали наполняться еще до того, как он произнес хоть слово.

— Мы потеряли Билла... в битве за Хогвартс, — мягко сказал мистер Уизли. Комната вдруг показалась слишком тихой. Профессор МакГонагалл перестала суетиться из-за других травм Флер и замерла.

Лицо Флер сморщилось, и слезы начали капать из уголков ее глаз, стекая в ее грязные, спутанные волосы. Она молча покачала головой, отрицая, что слова ее тестя могут быть правдой. Сердце Гермионы разрывалось, пытаясь представить, как бы она себя чувствовала, если бы Гарри... но рана была слишком чувствительной, слишком близкой к реальности, и она

не могла закончить мысль, чтобы не сломаться перед всеми. Вместо этого она смотрела, как мистер Уизли сжал губы и потянулся к руке Флер, лаская израненные, слишком тонкие пальцы со всей нежностью, которую он продемонстрирует по отношению к собственной плоти и крови. Флер беспомощно посмотрела на него и попыталась подобрать слова.

«Я...» — это все, что она смогла произнести. Она была такой сильной, такой дерзкой и смелой перед Волдемортом. Гермионе стало интересно, не потому ли это, что смерть казалась неизбежной. Это было ожидаемо, неизбежно и поэтому не вызывало страха. Но теперь... жить, зная, что мужа нет? Взгляд Гермионы снова метнулся к Гарри. «Есть вещи тяжелее смерти», — подумала она.

— Я знаю, я знаю, — почти напевал мистер Уизли, даже когда его собственные слезы навернулись на глаза при мысли о старшем сыне, которого он потерял.

— С вами все будет хорошо, миссис Уизли, — мягко сказала профессор МакГонагалл. «Как и ваш ребенок». Флер внезапно замерла, ее глаза были единственными частями ее движения, попеременно то мистером Уизли, то учителем Хогвартса.

— Ты ошибаешься, — холодно сказала Флер, и в ее голосе была нотка ломкости. «У меня случился выкидыш два дня назад». Боль в ее голосе была сильно сдержана, как будто она разорвала бы ее на части, если бы ее отпустили. «Пожиратели Смерти... делали то, что они всегда делают. Это было, когда мне сломали ногу, и у меня началось кровотечение». Она изо всех сил пыталась сохранить свое слабое самообладание. — И... и я знал. Тогда я не так уж боялся умереть. Ее челюсть дрожала, а глаза опустились на руки, сложенные на коленях, как будто они были завораживающими по своей сути.

Профессор МакГонагалл легонько взмахнула палочкой, и из нее начала вылетать небольшая струйка бумаги. Она быстро просмотрела его и показала Флер.

«Я полагаю, не более семи или восьми недель», — сказала МакГонагалл. «Мисс Клируотер должна провести вам более тщательное обследование, чтобы убедиться, что у ребенка нет травм, но моя палочка явно указывает на текущую беременность, а не на недавний выкидыш». Флер снова посмотрела на бумагу, а затем снова на МакГонагалл с каким-то восторженным, испуганным выражением лица, как будто она боялась поверить, что это правда. Ее глаза блестели от слез, а рука скользнула вниз к животу.

«Я была так... так напугана, когда поняла, что беременна». — сказала Флер, увидев мысленным взором что-то такое, чего не мог видеть никто другой. «Меня заперли в камере, я не знала, что они собираются со мной делать, я не знала, где Билл...» она икнула и резко остановилась. «Я не хотел этого. Я не видел, чтобы время могло быть хуже. И тогда, когда — когда — вся кровь — и я был — я понял, как сильно я этого хотел». Гермиона задавалась вопросом, видела ли она последнюю ночь вместе с ней и Биллом... задавалась вопросом, была ли это та ночь, когда был зачат этот чудо-ребенок. Ее глаза метнулись к Гарри, и тоска, льющаяся из его взгляда, поразила ее. Ей было интересно, думает ли он о том же, что и она.

Его спина выгибалась над кроватью, и отчаянные руки скребли бинты, которые Пенелопа только что закончила накладывать. Вены вздулись на его шее, и его конечности дрожали. Лицо Пенелопы было бледным и напряженным, когда она шептала что-то успокаивающее ему на ухо. Она попыталась перехватить его размахивающие руки своими, явно пытаясь удержать его от дальнейших травм.

"Профессор МакГонагалл!" — воскликнула Пенелопа. «Ему придется дать успокоительное. Он нанесет себе еще больше травм, если его не удерживать неподвижно. С такой болью, которую он... он будет испытывать, наверное, лучше, чтобы он был без сознания... во всяком случае». МакГонагалл подошла к шкафу с зельями, чтобы достать необходимые смеси.

— Н... нет, — внезапно прохрипел Перси, удивив всех в комнате. Его голос, казалось, стонал из самой глубины его души, и он старался говорить с как можно меньшим движением. "Пенелопа..."

— Привет, Перси, — сказала она настолько ровным голосом, на какой только была способна. Ее глаза были широко раскрыты и блестели. Мистер Уизли сжимал и отпускал руку Флер и вставал, осторожно обходя МакГонагалл туда, где находился в поле зрения Перси.

— Сынок, — выдавил мистер Уизли, его голос почти исчез, когда его горло сжалось. Глаза Перси закатились, когда он попытался взглянуть на своего отца.

— Д-папа, — проворчал он. «Я должен был сказать тебе — был жив...»

— Не беспокойся об этом сейчас, Перси. Мы просто рады, что ты здесь. Мы все тебя любим. Всегда любили. Еще одна волна боли сотрясла Перси, и он задрожал от легкого прикосновения Пенелопы.

— Не... как ты... — сумел выдавить он. — Не... Гриффин или... достаточно.

— Да, Перси, — мягко сказал мистер Уизли. «Знаете, вы спасли Флер. Спасли ее ребенка — ее и Билла». Флер эмоционально кивнула, хотя Перси было трудно заметить это движение.

"Я?" На лице Перси ненадолго мелькнула улыбка. Гермиона снова заметила кровь, просачивающуюся сквозь его рубашку, на этот раз над тем местом, где Пенелопа накладывала повязки. Эффект проклятия усиливался. — Я рад, — выдохнул он. "Где мама?"

— Вы скоро ее увидите, — хрипло сказал мистер Уизли. Гермиона вдруг почувствовала, как горячая влага обожгла ее щеки, хотя она не могла вспомнить, когда начала плакать. Она устала на свои туфли, и грязные кроссовки расплывались и колебались в ее взгляде. Она ощутила крепкую хватку над своим локтем и увидела перед собой смутное изображение зеленых глаз Гарри.

— Давай... — сказал Гарри тихим, мрачным голосом. «Им нужно побыть наедине». Было пробормотано несколько слов другим членам Ордена, которые формально не были членами семьи, и так же быстро он опустошил лазарет, оставив Уизли наедине примириться со своим блудным сыном.

Гермиона направилась вслед за остальными членами Ордена в Военную Комнату, но Гарри потащил ее вверх по дальней лестнице на чердак. Как только они закрыли за собой дверь, Гарри повернулся к ней и внезапно заключил ее в свои объятия, бормоча что-то себе под нос, чего она не могла слышать.

— Гарри, что случилось? — спросила она, мягко похлопывая его по спине, когда его тело дрожало рядом с ней.

— Я просто... это... Перси... — он покачал головой, выглядя огорченным, и тихо выругался. — Уизли — они — это из-за их поддержки меня Перси отделился от них. А теперь из-за меня он — он... — Он замолчал и ссутулился, а Гермиона смотрела на него широко открытыми, заплаканными глазами. Мой Атлас, думала она, неся на своих худых плечах бремя выживания всех остальных.

— Уизли сделали свой выбор, Гарри, — мягко сказала она ему. «И я думаю — даже сейчас — мистер Уизли не жалеет о выборе присоединиться к Ордену и сражаться. Перси тоже сделал свой выбор... но я думаю, что он понял, что сделал. Они смогут сказать... до свидания.»

"Они не должны!" — выпалил он вдруг, и голос его громко и нестройно зазвенел на маленьком чердаке. — Это несправедливо... это... — он снова запнулся, и в его тишине Гермиона услышала отголоски своего немого крика... Сколько еще? Дрожащими руками он провел по своим растрепанным темным волосам. — А если бы это был ты, Гермиона... Милый Мерлин, если бы это был ты... — Она переплела пальцы одной руки с его, а пальцами другой провела по его волосам.

— Это была не я, Гарри, — пробормотала она. Тогда он целовал ее легкими поцелуями вдоль линии роста волос и вниз по щеке. Она чувствовала мольбу в его прикосновении, его глубокую благодарность за то, что она жива, его страх, что в следующий раз ему не повезет, — и вину... над всем этим всегда была вина.

«Останься со мной сегодня ночью», — сказал он, как будто она не провела последние несколько ночей в его постели, а предыдущую ночь делала что-то кроме сна в ней. На его лице было застенчивое выражение, как будто он боялся быть отвергнутым, и проблеск улыбки скользнул по ее чертам.

"Как будто вы должны были спросить," сказала она легко, и сама была вознаграждена слабой улыбкой. Она попыталась представить, откуда взялось его беспокойство, но знала, что он не помнил никакой семейной любви и даже не испытывал никакой привязанности, пока не попал в Хогвартс. А потом люди, которые любили его, люди, которые решили сражаться с ним, продолжали умирать. Ее глаза помрачнели, и она встретилась с ним взглядом, заглянув в его глаза, желая, чтобы он прочитал всю глубину переживаемых им эмоций. — Я никуда не уйду,

Гарри, — произнесла она так серьезно, как только могла. Он снова поцеловал ее, на этот раз соблазнительно задержавшись на ее губах, и она почувствовала, как напряжение покидает его. Они долго сидели молча под окном.

— Разве мы не должны пойти туда с ними? — спросила она. — А как же Невилл? Она попросила, пока они пробирались сквозь груды ящиков, сесть под одиноким окном.

"Почему?" Гарри пожал плечами. Его глаза неловко метнулись обратно к двери, через которую они только что вошли. — Я положил детектор ему в напиток, как ты и просил. Ничего не произошло. Что должно было произойти? На лице Гермионы отразилась смесь разочарования и замешательства.

"Ничего, если он не был под оборотным соком. Я не понимаю..." Ее бровь нахмурилась, когда она опустила голову и глубоко задумалась. Воспоминания пронеслись в ее голове. Странная улыбка, которая играла на лице Невилла, когда он застал их почти целующимися, комичная манера, в которой он растянулся над окном, когда она неожиданно вошла. Окно было открыто... что он делал? И голос Рона — неожиданно громкий в комнате... Невилл сказал, что окно внизу, должно быть, было открыто, но все они были закрыты... все закрыты. Пластиковая бутылка с водой, содержимое которой искрилось на полуденном солнце, с громким стуком ударилась о землю и покатилась. Вода не вылилась... но Невилл стряхнул ее, сказал, что вычистит. Чистить что? Почему он хотел, чтобы она подумала, что что-то пролилось? Потому что то, что было в бутылке, на самом деле не было водой, и он не хотел, чтобы она знала, что это было. «Но это был не полиджойс», — сказала она почти самой себе. Она была так уверена...

На нее внезапно нахлынула еще одна вспышка воспоминаний, на этот раз о недавнем митинге.

Тонкс разговаривала с Люциусом. Он сделал замечание по поводу создания Эффингуса... предположив, что именно поэтому Долохов был здесь, а не в Хогвартсе.

— Эффингус означает «копировать», — медленно произнесла Гермиона.

« Говорят, репликация не делает вас глупее, но иногда я склонен удивляться».

Гермиона почувствовала, как ее глаза расширились от осознания. Подходит, подумала она. Это подходит ко всему... почему их теперь так чертовски много, как они смогли сражаться в стольких местах одновременно, поразив Министерство и волшебный мир со всей тонкой силой взрыва бомбы. Она слепо протянула руку и схватила Гарри за рукав, ее рот беззвучно шевелился.

— Гермиона? — сказал Гарри, теперь его голос звучал немного обеспокоенно. "Что случилось?"

«Они клоны», — сказала она ошеломленным от шока голосом. «Он создал армию репликантов Пожирателей Смерти. Вот почему их так много». Глаза Гарри теперь были почти такими же широко раскрытыми, как у нее, а рот скривился от яростной беспомощности.

«Как мы должны остановить армию, если он может просто набирать новых людей в любое время?» — воскликнул он, заставив Гермиону поспешно замолчать, которая воспользовалась моментом, чтобы поблагодарить его за то, что он принимает все это от нее просто под ее собственное признание.

— Должен быть способ остановить их, — сказала Гермиона самым решительным голосом. «Мне нужно сделать...»

— Немного исследований, — вмешался Гарри в ее последние два слова, и она бросила на него насмешливый взгляд. Он пожал плечами .

— Давай попробуем поговорить с Тонкс, — сказала Гермиона, взяв его за руку, когда они вышли из мансарды и, наконец, начали спускаться по лестнице.

Люди кричали... то ли от восторга, то ли от ужаса, Гермиона не могла разобрать. Вечно волнообразный рев свистел и пронзительно звенел в ее ушах. Она хотела заткнуть уши, но ее руки слабо защищали от вездесущего шума.

Ее бесконтрольно мотало туда-сюда в человеческом море. Крики, крики, все продолжалось так, как будто люди никогда не уставали, никогда не задыхались.

Она была на митинге.

Волдеморт был на сцене, убивая магглов. Она видела, как старичок снова заблокировал подростков, но даже в своей смерти он не смог предотвратить их неизбежность. Один за другим они все падали... все... пока люди в толпе кричали в знак одобрения, вождедея и жажда маггловской крови.

Кричать. Гермиона обнаружила, что присоединяется к ним, крича о мире, который медленно скручивался в водоворот разрушения. Кричать на тех, кто действительно верил, что кровь определяет способности, талант, красоту, ценность...

В горле у нее пересохло и пересохло, но она продолжала кричать, ее собственный крик терялся в вечных вопли окружающих. А потом на сцену вывели ее родителей, скованных, избитых, их глаза бегали по обезумевшим лицам, как будто искали кого-то... искали ее.

Дальнейший шум замер в ее горле.

— Мама... — слабо выдавила она, и такой слабый звук не мог надеяться дать о себе знать в водовороте. Волдеморт мотнул головой в ее сторону, как будто услышал, и улыбнулся. Он убил ее родителей, даже не взглянув на них. Рев его верных заглушил глухой звук ударов их тел о платформу.

У Гермионы подогнулись колени, но она знала, что если она сейчас упадет, ее растопчут под

ногами эти люди — эти люди, которые ужинали со Злом и приветствовали Смерть как почетного гостя.

Вывели еще одного заключенного. Ясно, что он должен был стать главным событием этого события, потому что белый шум разросся до невероятного крещендо, когда Волдеморт поднял обе руки в воздух в жесте триумфа.

Горло Гермионы сжалось так быстро, что у нее перехватило дыхание. Это был Гарри.

— Это твоя вина, девочка! — сказал Волдеморт, глядя прямо на нее, одинокую, потерянную, плывущую по течению в этом вечно бурлящем море. «Это твоя вина». Гермиона молча посмотрела на него, зная, что он прав, зная, что она разозлила его, смутила его. Если бы только она не пришла сюда...

Она подняла руку с полукогтями к сцене в немой и жалкой мольбе о милосердии, снисхождении, помиловании. Она знала, что не получит ничего из этого. Гарри перевел на нее осуждающие глаза, и на мгновение они, казалось, вспыхнули зеленым, как проклятие, свалившее его на землю.

«Убейте меня, пожалуйста. Убейте и меня, пожалуйста», — сказала она, пытаясь устоять на ногах. Каким-то образом он услышал ее сквозь громоподобное эхо бесчисленных голосов.

«Нет». — сказал он и снова улыбнулся ей, оценив нюансы своего плана. «Нет. Ты будешь жить».

Она отрицательно покачала головой, ее остекленевшие глаза были устремлены на сцену, усеянную телами позади мрачного ряда улыбающихся черепов. Гарри... Шум ударил ее, потряс ее, атаковал ее. Она согнулась, свернувшись калачиком в пустоту, погребенная под людской толпой.

Их победные крики эхом отдавались в ее ушах.

"НЕТ!" Она вскочила на кровати, проснувшись, даже когда кричала, проводя дрожащими руками по мокрому от пота волосам. Гарри тоже почти мгновенно проснулся, сел и обнял ее, пока она дрожала в успокаивающем круге его рук.

— Эй, эй, эй, — напевал он, успокаивающе шепча ей в волосы. Он спал без рубашки, и она широко раскинула руки на плоскостях его груди, находя помощь в его сияющем тепле.

— Я была на митинге, — икнула она. «Он убил тебя, но оставил меня в живых». Она посмотрела на него, агония умоляла его из ее широко раскрытых глаз. «Но я не хотел. Я не хотел».

— Это был просто сон, — сказал Гарри, немного закатив глаза, очевидно, оценив иронию их

смены ролей. «Они не могут навредить тебе — в большинстве случаев», — поправился он.

— Это было так громко, — сказала она расплывчатым голосом. «А потом он вывел тебя, и все были так счастливы, и каким-то образом он знал, что я был там. Я умолял его убить и меня, а он просто сказал: «Нет».

«Я не умер, Гермиона. Я прямо здесь». Она вдруг посмотрела на него, как будто увидела его впервые с тех пор, как проснулась, и их взгляды встретились.

— Да... да, ты здесь. Ты здесь, — повторила она, как бы уверяя себя, что это правда. Ее пальцы легко скользнули по плоскостям его груди, прежде чем ее губы встретились с его губами.

А затем, так внезапно, что она не была уверена, как именно это произошло, Гермиона распростерлась на матрасе, а Гарри замер над ней, нежно баюкая ее в своих руках. Они целовались быстро, отчаянно, неистово. Гермиона отбросила их пижаму, и Гарри выразил свое одобрение благодарным стоном, еще более тщательно целуя ее. Руки скользили по теплой коже, рты поклонялись алтарю желаний, и все же, каким-то образом это было нечто большее, отличное от того, что было раньше, хотя это все еще отражало чахлую мысль Гермионы прошлой ночью... здесь... сейчас...

Это было Утверждение Жизни. Гермиона была окружена Смертью, преследуемой ею, желанной ею, но она не умерла. Гарри был близок к ней, пленен ею, соблазнен ею, но не поддался ей. Они лихорадочно соприкасались, растопырив руки, как будто им не хватало кожи под их ищущими пальцами. Здесь... настоящий... живой...

Живые... живые... живые... казалось, оно пульсировало в теле Гермионы, быстро билось в такт ее бешено колотящемуся сердцу, соизмеряя их толчок за толчком, когда они стремились, искали, цеплялись, цеплялись за физическое единство, за эмоциональную связь, которого они оба жаждали. Даже после того, как их страсть угасла, они оставались запертыми вместе, не желая отпускать друг друга.

— Гарри... — сказала Гермиона, задыхаясь и не находя слов. Она смотрела в его зеленые глаза, такие близкие ей, и думала, что охотно утонет в них. Они сморщились по углам, с понимающей улыбкой, и он сказал только:

"Я знаю."

Они были живы. Другие слова были лишними.

— Подожди, — сказал Люпин, подняв руку, чтобы Гермиона остановилась. Он сделал паузу на мгновение и сделал глоток обжигающего чая. — Что ты говоришь — что Волдеморт собрал какую-то — армию репликантов?

— Думаешь, что-то подобное ему не под силу? — язвительно возразила Тонкс. Люпин

посмотрел на нее с упреком.

«Не по моральным соображениям, нет», — сказал он, его взгляд ясно говорил, и вы знали это .
«Но практически говоря... почти не сохранилось исследований о создании Эффинги . После того, как практика была запрещена, это...»

«Кроме того, исследований хоркруксов почти не проводилось», — заговорил Гарри ледяным от смысла голосом. Люпин мельком взглянул на него и, похоже, согласился.

— То немного, что я смогла найти в такой короткий срок, — вставила Гермиона, говоря быстро, по своему обыкновению, — по-видимому, указывало на то, что пока — изначальный человек — Прайм — остается жив, нет предела количество репликантов, которое может быть создано».

— Если то, что ты говоришь, правда, то Волан-де-Морта не остановить, — мрачно сказал Люпин, побледнев, когда у него отняли обещание надежды.

— Не совсем так, — сказала Гермиона, и ее глаза загорелись тем неистовым удовольствием, которое, казалось, всегда сопровождало обучение и открытия. «Текст, казалось, указывал на то, что Прайм был жизненно важен для всего процесса, что вы не можете просто сделать копию копии и так далее. Если мы найдем, где Волан-де-Морт прячет Праймы, и уничтожим их, тогда...»

— Армии больше нет, — растерянно закончила Тонкс. Люпин покачал головой, как человек, столкнувшийся с непреодолимой, совершенно пугающей задачей.

— Если это правда, то Волдеморт будет охранять это место более тщательно, чем кто-либо когда-либо думал об охране чего-либо прежде, — указал он. Гермиона какое-то время смотрела на него серьезными темными глазами и согласно кивала.

— Вы абсолютно правы, — сказала она. — Но какой еще у нас есть выбор? Она долго смотрела на Гарри, и они, казалось, общались без слов. Действительно, какой еще выбор?

«Это не может быть сложнее, чем найти и уничтожить шесть крестражей, верно?» — спросил Гарри в слабой попытке легкомыслия. Гермиона улыбнулась ему, зная так же ясно, как и он, что они оба поняли, что на этот раз... у них не будет Гарри, Гарри, каким он когда-то был, Гарри в том, что в конечном итоге стало вершиной его власти. Ей показалось, что она увидела некое извинение в его глазах, и она покачала головой.

Это не твоя вина .

— Как Волдеморт их контролирует? Внезапно вмешался Люпин, отбрасывая момент. Лоб Гермионы нахмурился от силы ее серьезной мысли.

«Я не уверен. Если бы он мог бесконечно контролировать большое количество людей, он, вероятно, просто использовал бы Империиус. Лично я думаю, что он вообще их не контролирует». Она снова заговорила быстрее из-за их недоверчивых взглядов. "Подумай об этом," сказала она. «Он выбирает самых глупых, самых жестоких, самых невежественных и аморальных среди своих последователей и использует их для создания Эффинги . Технически у них столько же свободы воли, как и у Прайма, но с наибольшей вероятностью они будут думать и действовать одинаково. так, как всегда было у Прайма».

— И... — медленно начала Тонкс, явно думая о своем разговоре с Люциусом Малфоем, — личное окружение Волдеморта отказывается делать Эффинги . ?"

— Я уверена, что Волдеморт дал им понять , что это их идея, — ответила Гермиона. «Это также объясняет, почему Волан-де-Морт не хотел бы делать Эффинги из любого из Ордена. Вероятность того, что один из нас сможет отвернуться от того, как мы обычно живем, думаем и действуем, настолько низка, что риск вряд ли стоит того. Вот почему я думаю о Невилле... — она спохватилась и резко остановилась. Остальные — даже Гарри — слегка вытаращили на нее глаза.

— Думаешь, Невилл — Эффингус? Тонкс дышала почти шепотом. Гермиона бросила застенчивый взгляд на Гарри и начала перечислять все причины, по которым Невилл привлек ее подозрения.

«Я думаю, что он был экспериментом. Я думаю, что Невилла заменили Эффингусом в том туалете, в то время как Луна была оглушена. Я не думаю, что Луна имеет какое-либо реальное представление о том, как долго она находилась в этом туалете. Я думаю, они пытались запрограммировать Невилла. ", и в его воде есть что-то, что делает его более... сговорчивым... с их образом мышления. Я также думаю, что это не очень хорошо работает. Он начинает вести себя беспорядочно - так, как он бросал рано ночью, когда ты..." - она виновато поморщилась перед Ремусом, "чуть не сбежал. Я думаю, что ему было приказано каким-то образом отпустить тебя - как только он сказал им, что ты Хранитель Тайны - в надежде, что ты ранишь или убьешь одного из нас, и, может быть, тебя выгонят из убежища в отчаянии ."

— Уверен, прямо в их ожидающие объятия... — мрачно закончил за нее Ремус.

«Он вмешался в обереги, но потом его план пошел наперекосяк», — продолжила она. «Он собирался начать кастинг раньше и четко обозначить свои намерения. Он как будто хотел , чтобы его остановили. Его врожденная природа как Невилла борется с тем, на что его пытались запрограммировать».

— Это значит...? - начал Гарри, но так и не успел закончить фразу, прерванную внезапным шумом на лестнице.

"Это неправда. Это неправда !" Разгневанный Невилл ворвался в Военную Комнату, его лицо покраснело от гнева, предательства и страха. Гермиона смотрела на него с некоторой грустью и легкой жалостью.

— Откуда ты узнал, о чем мы говорили, Невилл? — спросила она спокойно. Когда он не ответил, она настаивала: «Ты наложила какое-то прослушивающее заклинание в Военную Комнату, не так ли? Оно было в лазарете, и это то, что я слышала в тот день, не так ли? Я уверен, что ты уже переместил его... может быть, в свою спальню? Рон крепко спит.

— Почему... почему я должен... я... все мне доверяют, — бушевал Невилл, с каждой минутой окаменевший. «Мне не нужно было бы ничего нигде сажать, если бы я мог услышать это воочию».

— Нет, если ты записываешь это... и отправляешь Сыном Пожирателям Смерти, — продолжила Гермиона, невозмутимо, с резким тоном в голосе. Невилл отчаянно замотал головой.

«Я бы не стал этого делать. Я бы не...»

— Что у тебя в воде, Невилл? — спросила Гермиона, возвращаясь к мягкому тону, когда она пыталась звучать обезоруживающе.

— Это просто вода, — пробормотал он.

— Зачарованно выглядеть как вода, — поправила Гермиона. — Но в тот день, когда я опрокинул твою бутылку, ничего не пролилось, помнишь? Что такое, Невилл?

Невилл сгорбился и закрыл лицо руками.

— Не знаю, — простонал он. — Не знаю. Мне присылают добавку Сычом, а я присылаю записи. Я... я просто должен пить, и как-то легче.

"Легче сделать что?"

— Делать то, что мне говорят, — неопределенно сказал Невилл, прежде чем внезапно вернуться к себе. «Но я не могу быть. Я не могу быть тем, что ты сказал».

— Почему бы и нет, Невилл? — вежливо спросила Гермиона.

"Потому что я помню !" Голос Невилла был хриплым и звучал со слезами на глазах. «Я помню, что случилось с моими родителями. Я помню, как жил с бабушкой, и мой дядя отбросил меня по дороге, и я отправился в Хогвартс, и потерял Тренора. Гарри спас мою напоминалку. Я взял Джинни на Святочный бал. дважды окружной прокурор . Я... Я Невилл Лонгботтом. Я должен быть... я должен быть ...».

Остальные четверо в Военной Комнате смотрели на Невилла со смесью сочувствия и отвращения. Это Гарри подошел к нему и по-дружески положил руку на плечо другого

мальчика.

«Конечно, ты Невилл. Тебя пытаются контролировать, но у них ничего не получается. Ты еще не причинил никакого реального вреда. сменяется интенсивным. — Что они знают о нас?

Громкий стук в дверь пробудил Гарри и Гермиону от крепкого сна, тесно сплевшихся друг с другом посреди ночи. Инстинктивно Гермиона съежилась под простынями, но только голос Рона, звучавший хрипло и хрипло по краям, раздался из-за двери:

— Это Перси... ты... тебе лучше прийти... он тебя зовет... Гарри и Гермиона обменялись встревоженными взглядами и вскочили с кровати, быстро одеваясь. Во всем доме было темно, и казалось, что он застыл в ожидании... но когда они добрались до лазарета, свет хлынул в коридор, наполовину ослепив их.

Судя по тому, что Гермиона могла видеть своими звездными глазами, весь Орден был собран. Флер сидела на своей кровати, свесив ноги и наблюдая, как Перси дрожит и что-то бормочет, ее глаза были полны слез, а одна рука покровительственно лежала на животе, как будто она все еще не могла в это поверить. Мистер Уизли сидел в кресле рядом с Перси и выглядел таким седым и старым, словно за два дня постарел на десять лет. Рон явно только что вошел, и они с Фредом выстроились у изножья кровати Перси, словно часовые. Пенелопа села с другой стороны от Перси, сжав одну из его рук обеими руками.

Гермиона молча посмотрела на Тонкс и Люпина, когда они одновременно подошли к двери лазарета.

— Он уходит, — прошептала МакГонагалл со своего поста у двери. «Ухудшение состояния достигло его органов. Больше мы ничего не можем сделать». Гермиона замерла на цыпочках, неловко покачиваясь взад-вперед. Она чувствовала себя здесь не на своем месте, словно не на своем месте, и ее глаза нервно перебегали с одного мрачного лица на другое. Она увидела распростертую Джинни, лежащую без сознания из-за сильного успокоительного, и на мгновение почувствовала боль от того, что ее отчужденный брат лежит в соседней постели... умирает... и Джинни никогда не узнает.

"Гарри?" — с усилием позвал грубый, хриплый голос. Ноги Гарри неравномерно толкнули его в комнату, где он продолжал двигаться, пока не оказался в поле зрения Перси. «Хотел... извиниться... насчет... Мин'пытаться... обо всем этом».

— Перси... — быстро заговорил Гарри, пытаясь объяснить, что это было излишним, что старая вражда была оставлена в свете более важных вещей, но в глазах Перси под тенью смерти мелькнуло желание сказать это, заставить вещи прямо перед концом.

— Н... нет, — Перси слабо поднял руку, и Гарри сжал ее, но не раньше, чем Гермиона заметила, что тускло-серый оттенок распространяется теперь и на конечности Перси. Края его ногтей были почти черными. — Должен был знать... должен был тебе поверить... Я... я мог помочь, сделать что-то... мог...

— Это забыто, Перси, — сказал Гарри. «Все делают ошибки, и уверяю вас... об этом забывают ». Скелетная улыбка снова мелькнула на впалом лице Перси, и он шумно втянул воздух со звуком « а-а-а », очевидно, от боли.

«Д-папа? Рон? Ф-фре...» его голос подвел его, и он закашлялся, хотя рефлекторное действие явно мучило его.

— Это было сказано, сынок. Не беспокойся об этом, — сказал мистер Уизли дрожащим голосом. Рон и Фред кивнули в знак согласия, в то время как Рон пытался смахнуть внезапные горячие слезы тыльной стороной ладони.

— Флер? — с трудом выдавил он, и его невестка грациозно подошла к его постели, опустившись на колени рядом с ним рядом со своим тестем. «Берегите... берегите... этого ребенка». Гермiona наблюдала, как глаза Флер наполнились слезами, когда она кивнула.

«Ты спас меня, Перси... меня и ребенка. Я этого не забуду. И расскажи Б. - Биллу, ладно? - о его ребенке... и о том, как сильно я его люблю». Перси снова улыбнулся, но не ртом, поскольку усилия стоили ему слишком дорого, а глазами.

— Я... скажу... — Очередной спазм боли прервал окончание его фразы, и он, очевидно, приложил все усилия, чтобы повернуть голову к Пенелопе, которая улыбнулась ему яркой водянистой улыбкой. «Пенн...» Она приложила палец к его темнеющим губам, чтобы заставить его замолчать, и провела пальцами по его волосам почти по-матерински.

— Я знаю, Перси. Я тоже тебя люблю, — тихо сказала она, способная говорить только шепотом, не ломаясь полностью. Его тело снова напряглось от судорожной боли, а глаза закрылись. Гермiona подумала, что это конец, и сжала руку Гарри, когда он вернулся к ней.

Но затем Перси снова открыл глаза и поднял руку, потянувшись к чему-то, что никто другой не мог видеть, глядя сквозь них, глядя за их пределы, и его измученное, разлагающееся лицо окутала улыбка.

"Мама? Все?" — прошептал он. — Я дома.

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2457004>